

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ВАДИМ СТЕПАНОВ

ПУСТЬ РАСТЕТ РОЗА КРАСНАЯ

Вадим Степанов

Пусть растет роза красная

«Автор»

2019

Степанов В.

Пусть растет роза красная / В. Степанов — «Автор», 2019

А что, если самая влиятельная страна в мире, которую не просто так называют полицейским государством, причинила боль, которую не заглушить. Ты при этом почему-то жив, полон сил, ярости и сомнений - кому конкретно нести ответ за преступление. Ты отправляешься в ненавистное государство, полный горя и желания мести. Ты становишься частью этого нового мира, который стремительно меняется, в желании обезопасить себя, прячется под куполом. Но ты уже внутри и тебя не остановить. И даже после сорока лет ожиданий, ты не отступаешь от своего плана.

© Степанов В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вадим Степанов

Пусть растёт роза красная

Глава 1

Человек привыкает ко всему. В новом кабинете было хорошо: уютное кресло перед огромным столом, диван возле фикуса, большое окно во всю стену, с панорамой на ненавистный город. Генри ничем из этого не пользовался. Окно было всегда завешано плотной шторой, на мягком кресле навалены рабочие папки, диван частично заставлен коробками. И даже фикус, живой только благодаря секретарше, был болен от бесконечного количества окурков в его горшке. Да и самим кабинетом Генри не пользовался, предпочитая по старинке работать «на ногах». И всё же каждое утро он сюда заходил, чтобы собрать документы, перекинуться парой слов с секретаршей и выпить кофе из своего термоса – единственное послабление, которое он себе позволял.

– Что сегодня, Тина?

– Пришел отчёт о количестве азота, – ответила секретарша.

– Ты смотрела?

– Он в норме.

Генри заглянул в свой допотопный планшет, делая глоток горького напитка.

– Где же «в норме»? – удивился он. – Показатели на пределе.

– Но на пределе нормы, – не согласилась Тина.

– И что, ты хочешь, чтобы мы начали задыхаться, если какой-нибудь балбес решит пожарить мясо на мангале? Всегда должен быть запас.

– Вы же знаете, – улыбнулась Тина, – разводить огонь в Мегополисе запрещено.

– Скажи это крысам из районов низкого неба, – усмехнулся Генри. – Они там пикники устраивают каждые выходные. Чёртовы тунеядцы.

– Мистер Вотч, Вы ведь и сами из этих районов.

– Потому и знаю, что говорю.

Поболтав с секретаршей, Генри отправлялся на обход участков. Он лично проверял каждую насосную станцию, хоть это и не входило в его обязанности. Теперь не входило. Пока он не пошёл на повышение, это было его обязанностью, с которой он вполне справлялся, несмотря на почтенные шестьдесят лет возраста и перманентную аритмию.

– Всё в порядке, Стэнли? – привычно поприветствовал Генри рабочего первой насосной станции.

– Всё в порядке, шеф, – так же привычно ответил тот.

– Показатели?

– Вы же знаете!

– Знаю. А ты?

– На моей станции с запасом, – ответил Стэнли. – А вот у Роджера были какие-то проблемы с сальниками.

– Да, – кивнул Генри, – я слышал. Как раз сейчас к нему иду.

На самом деле, мистер Вотч шёл к Роджеру не из-за проблем на станции, а потому, что ему было по пути. Генри давно отладил систему так, что в неё не нужно вмешиваться в срочном порядке. Ремонтник уже знал, где и что надо чинить, он заказал необходимые детали и согласовал время остановки станции для ремонта. В своём планшете Генри мог отследить и проконтролировать каждый шаг рабочих, но даже это было необязательно, ведь существовала ещё и служба мониторинга. Долгие годы Генри бился, чтобы система работала как часы. И

вот теперь он пожинал плоды. Единственное, что ему было недоступно, – полная дистанционная управляемость системой. Тогда бы он мог без всяких работников включать и выключать насосные станции, добавлять и смешивать воздушные смеси. Но это был бы стратегический уровень, до которого Генри ещё не дорос. Хотя после повышения престарелый начальник комитета коммунальных хозяйств города недвусмысленно намекнул, что видит именно Генри своим преемником.

– Не волнуйтесь, мистер Вотч, – сказал Роджер, завидя ещё издали своего начальника, – сальники ещё держат. Кроме того, уже сегодня их должны починить.

– Отличная новость, – похвалил работника Генри, так, словно это действительно для него было новостью. – Тогда просто будь чуть внимательней, пока не придёт ремонтник. А я пойду дальше, не буду тебя отвлекать.

– Мистер Вотч, – вдруг остановил уже собравшегося уйти начальника Роджер. – У моей дочери сегодня маленький юбилей. Мари исполняется десять. Мы с женой хотели бы Вас пригласить...

– Я не хочу показаться грубым, Роджер, но работа – это работа, а личные отношения между начальником и подчинённым всегда ведут к недопониманию. Поздравляю тебя с юбилеем дочери.

Генри не был душой компании. Да и хорошим приятелем его мало кто мог назвать. Друзья у Генри и вовсе отсутствовали.

Обойдя все «посты», мистер Вотч поторопился к начальству с докладом. Теперь он отчитывался непосредственно председателю комитета коммунальных хозяйств города, куда однажды и сам метил.

Председатель комитета Дон Уоллес – сухенький старичок с обветренным и волевым лицом, был старше Генри почти на двадцать лет и хорошо помнил те времена, когда государства ещё боролись за ресурсы. Сегодня они борются за жизнь.

Дон считал себя демократичным начальником и, в отличие от Генри, легко завязывал дружеские отношения с подчинёнными, и настаивал, чтобы те называли его просто по имени. Они и называли, все, кроме Генри.

– Доброе утро, мистер Уоллес.

– Привет, Генри. Подождёшь секунду? Важный звонок.

Генри послушно кивнул и остался за порогом кабинета начальника. Секретарша Дона привычно предложила ему чашку чая, уже зная, что тот откажется. Генри не пил чай от секретарш. Более того, мало кто мог вспомнить, что видел его вообще на перекусе. Казалось, что мистер Вотч – робот, не допускающий ошибок, не знающий сна, голода, холода и вредных привычек. Впрочем, одна привычка у него всё же была: в ожидании, Генри начинал насвистывать какую-то тягучую, непохожую на современные ритмы, мелодию. Обычно он воздерживался от этого при посторонних, но секретарш он не учитывал, считая их чем-то вроде мебели, которую каждый начальник приобретает под себя. Вот и сейчас он отдался этому занятию, ожидая, пока начальник закончит разговор.

Мистер Уоллес положил трубку и жестом пригласил Генри войти.

– Как служба? – дежурно поинтересовался начальник.

– Системы стабильны, – также дежурно отчитался Генри.

– Я не сомневаюсь, – улыбнулся Дон. – Я уже давно не интересуюсь показателями воздуха. Ты стал моей совестью и опорой, и, кажется, лучше меня понимаешь, что там к чему. Чёрт, да я на тебя рассчитываю даже больше, чем на себя в этих вопросах.

– Я очень ценю Ваше доверие, мистер Уоллес.

– Да брось, Генри, – отмахнулся Дон и указал на противоположное кресло, приглашая Генри сесть.

Генри послушно устроился напротив Дона.

– Меня, честно говоря, – продолжил мистер Уоллес, – интересует, как ты устроился на новом месте. Говорят, ты даже коробки ещё не разобрал?

– Все как-то некогда, – замялся Генри.

– Понимаю, – усмехнулся Дон. – Не хочешь отдавать своё детище преемнику. Ты столько вложил в эту систему, что даже страшно представить. Но вот что я тебе скажу: умение делегировать – это важно.

– Там и делегировать-то нечего. Вся система практически автоматизирована. Вы же знаете. Если бы мне дали доступ, я бы вообще свёл количество персонала к минимуму.

– Да-да, я помню, – кивнул Дон, задумчиво, – твоя идея «фикс» – сделать полностью автоматизированную систему. И я не против, ты же знаешь. Я бы тебе доверил даже свой банковский счёт. Чёрт, может быть, и доверю.

Дон рассмеялся.

– Однако же, – продолжил он, – не надо забывать, что есть люди, которым нужна работа. Сегодня практически все автоматизировано, и забирать последние рабочие места – неправильно. К тому же такой доступ – это безопасность. Представь, что может сделать человек, обладающий подобными возможностями. А если псих или раздолбай? Ладно ты, сорок лет на службе, без единого нарекания, но ты ведь не вечен. Готов ты поручиться, что после тебя не придёт какой-нибудь идиот, который решит задушить весь город?

– Систему можно настроить так, чтобы человек не смог совершить действий, которые приведут к фатальным последствиям. Ограничить его возможности, а ключ к настройкам предоставить правлению Мегополиса.

– Что ж, – Дон поднялся с кресла и подошёл к окну, – это не так уж невозможно. Только знаешь, Генри, я не уверен, что хотел бы на старости лет возиться с этим. Какой-то философ сказал, что нет ничего ужаснее, чем жить в эпоху перемен. А мне уже даже не жить – помирать скоро. Я всерьёз думаю в следующем году уйти на заслуженную пенсию. Угадай, кого я порекомендую на своё место?

– Вы всегда принимали правильные кадровые решения, – ответил Генри.

– Ты прав, чёрт возьми, – рассмеялся Дон. – Скажи, Генри, у тебя такой же вид из окон? Генри поднялся и подошёл к мистеру Уоллесу.

– У меня хуже, – сказал Генри, взглянув в окно, – совсем не видно насосных станций.

– Ты неисправим, – улыбнулся Дон и похлопал Генри по плечу. – А я люблю здесь постоять, посмотреть на творение рук человеческих. Ты никогда не задумывался, в каком удивительном мире мы живём? Всё вокруг гибнет, а мы в раю.

Дон замолчал, мечтательно уставившись в окно. Казалось, он настолько воодушевлён своим открытием рая, что ещё немного – и расплечется. Генри усилием воли сдержался, чтобы не фыркнуть. Он уж точно не считал Мегполис раем. Несчастный город, который спасается от радиации и углекислого газа под навесом пластикового стекла, которое искажает лучи первозданного солнца, которое не пускает настоящие облака, которое превращает маленький город в консервную банку с полумиллиардным населением. И да, всё очень технологично: quadro-кары, мгновенная сеть, чипы, нанороботы, да и купол не просто из пластика, а из специального сплава, но всё равно – банка.

– Я пойду, – сказал Генри, – надо ещё проверить системы очистки.

– Да, конечно, – кивнул Дон, продолжая задумчиво смотреть на город.

Но как только Генри дошёл до двери, Дон, словно что-то вспомнив, окликнул его:

– Ты в выходные не занят?

Генри остановился и повернулся к Дону.

– Нет.

– В субботу администрация устраивает благотворительный ужин в мэрии, приходи.

– Но разве персонал может участвовать?

– Генри, – Дон покровительственно улыбнулся, – надо тебе привыкать, что ты давно уже на другом уровне. Ты фактически мой зам, и, чего уж, без пяти минут сам председатель правления комитета. Пора знакомиться с сильными мира сего, с элитой. В конце концов, это важно и для твоей будущей карьеры, да и для нашей службы вообще. Тебе придётся научиться общаться с этими людьми, выучить их язык и повадки. И, поверь, возможно, это даже сложнее, чем все твои дистанционные схемы вместе взятые.

Да, для Генри это было действительно сложно. Толстосумов, выгуливающих своих домашних блондинок и выпендривающихся друг перед другом дорогими часами, он презирал. «Элита», как их называл Дон, была такой же низкопробной шпаной, как и бродяги из районов низкого неба. Только этим повезло больше – родиться в правильном месте и у правильных родителей. Но хуже самих богачей были их потешные благотворительные банкеты, где деньги перетекали из фондов друг друга, якобы во имя великих и благородных дел. При этом обычные люди, которые их окружали, подыхали от голода и болезней. Но элите было не до того, они награждали сами себя за доброту и человечность регалиями и медалями. И уже не могли занимать просто руководящие посты, им надо было править. Потому и названия должностей были такие дурацкие: председатель правления (глава какой-нибудь службы), канцлер (директор охранной службы), властитель (премьер-министр) и т. д. Генри скривило от одной мысли, что он окажется среди этих мерзких людей.

– Не дрейфь, – понял по-своему реакцию подчинённого Дон. – Это только по первости непривычно. Ещё пообтешешься, будешь сам устраивать такие встречи.

– Спасибо за приглашение, – наконец справился с эмоциями Генри. – Я непременно приду.

– Ну и молодец, – похвалил Дон. – Найди себе только костюм поприличней, а лучше фрак. Я за тобой пришлю машину.

– Да я на «квадре» доберусь.

– Не спорь, – поднял руку Дон, показывая жестом, что дело решённое. – Авто – это престиж и статус, тебе тоже надо будет таким обзавестись. Только, конечно, сперва стоит переехать куда-нибудь, а то тачка не успеет доехать до парковки, как её разберут на запчасти молодчики из ваших районов. Я, правда, не понимаю, почему ты там всё ещё живёшь?

– Привык, – пожал плечами Генри.

Что он ещё мог ответить?

После разговора с Доном Генри сделал соответствующие распоряжения секретарше – ещё не хватало самому выбирать себе парадный костюм, а затем продолжил обход насосных станций и резервных газовых хранилищ. Чтобы там ни происходило, но работа – прежде всего. Для Генри было очень важно, чтобы его система, годами настраиваемая под него, работала как часы.

После смены он, как обычно, вызвал себе беспилотный квадрокар и полетел домой, вернее, туда, куда он возвращался с работы последние сорок лет.

Районами низкого неба называли окраины Мегалополиса. В этих местах защитный купол опускался действительно низко, к самым домам, которые, как муравейники, забивались ненужными людьми. Гуманизм и постоянная потребность в притоке молодой крови разрешали людям жить в мире, где для них не предусмотрено места. Купол давно уже строили и обслуживали автоматизированные системы. Пищу, воду, одежду и развлечения тоже давали машины. Люди с окраин нужны лишь для одной цели – чтобы не было скучно элите. Ведь для личного счастья необходимо понимать, почему оно счастье. А так ясно – иметь больше других. Иметь больше вещей, возможностей, здоровья, власти. Зоопарк обречённых для развлечения обеспеченных.

Да и для Генри дом не был раем, уютным и тёплым местом, куда хотелось бы возвращаться. Несмотря на свои доходы и статус, он давно уже мог переехать в более благонадёжный

квартал, но не делал этого по понятной только ему причине. Впрочем, дом вот уже много лет оставался местом, где он мог переночевать, где держал свой немногочисленный скарб и где хранились разные мелочи, вроде старой детской книги или видавшего вида шерстяного платка. Впрочем, у Генри был ещё и склад. И это единственное, что выделяло его среди прочих жильцов многоэтажного дома. Склад был небольшим – всего одна комната на восемь метров, но в глазах соседей эта комната представляла собой роскошное дополнительное место, ненужное для одинокого старика. Однако Генри не считал это место ненужным. Здесь он хранил редкое и очень ценное оборудование, которое иногда использовал в работе. Это было сродни одержимости – доставать уникальные вещи и пытаться придумать, как с их помощью улучшить и без того отлаженную систему контроля воздуха в Мегалополисе. Правда, чаще эти новые штучки так и оставались на складе, не принеся хоть какую-то пользу работе. И хоть вещи были ценными, Генри их оставлял у себя, зная по опыту, что для каждой технологии просто необходимо соответствующее время. К счастью, деньги на эти причуды у него водились. Генри, в общем-то, ни на что их больше не тратил. И даже это его увлечение не сильно отражалось на банковском счёте. Если бы у него были наследники, они могли бы легко войти в круг элиты, которую так презирал Генри. Но их не было.

– Добрый вечер, мистер Вотч, – поздоровался с Генри сосед по площадке – выпивоха Джон.

– Добрый, – ответил Генри, стараясь быстрее открыть дверь в свою квартиру.

– Вы сегодня совсем поздно вернулись, – сказал Джон, поглаживая небритую шею.

– Работа, – коротко ответил Генри и отпер замок.

Генри знал, чего хочет Джон. Нетрудно было догадаться по дрожащим рукам соседа. Но Генри старался не поощрять зависимость Джона, хоть иногда и давал ему мелочь на опохмел.

– Я хотел сказать, – стал быстрее говорить Джон, видя, что Генри вот-вот скроется за дверью своей квартиры, – этот мальчишка – Марк, кажется, он сегодня крутился у Вашего склада.

– Да? – Генри остановился, почти зайдя в квартиру. – Во сколько?

– Утром, – улыбаясь, ответил Джон, видя, что информация заинтересовала Генри.

– Ясно.

Генри полез в карман и достал оттуда смятую бумажку – слишком много для выпивки. Но Джон, конечно, не стал спорить. Он схватил купюру и, поблагодарив, умчался за новой дозой. А Генри снова запер свою дверь и отправился на склад проверять его содержимое.

Эти уличные сатанята могут залезть, куда угодно, не мешало бы проверить замки и петли склада. Но замки были в порядке, Генри зря беспокоился, хотя то, что щенки решили утром наведаться к его хранилищу, – пугало. Это значит, они не просто так проверяли на вшивость его сигнализацию, они точно понимали, что он будет на работе, и потребуется время, чтобы вернуться и проверить сигнал. Впрочем, может быть, Джон просто очень сильно хотел выпить и придумал всё это, чтобы выпросить немного денег на алкоголь. В мрачных раздумьях Генри вернулся в свою квартиру.

После неплотного ужина Генри сел в старое кресло и выключал свет. Этот ритуал он проделывал регулярно на протяжении всех лет, что здесь работает. Он не смотрел новомодное стриминговое ТВ, не читал новостей, не слушал музыку и вообще не делал ничего, что могло бы его отвлечь от своих мыслей. А сегодня подумать было о чём. Дон, очевидно, собирался сделать его преемником, и, похоже, не собирался затягивать с выходом на пенсию, иначе зачем тогда он решил вводить Генри в элитный клуб. Значит, Дон или болен, или наступил на хвост кому-то из вышестоящих и теперь пытается сбежать, оставшись при своих. В первом случае Генри не стоило ни о чём беспокоиться – Дон уже старик, и наверняка многие понимают, что место скоро освободится. Однако всем плевать, ведь должность не особо хлебная, и поэтому Генри никто не станет мешать занять место шефа. Другой же расклад много хуже. Если кто-

то из элиты хочет крови обслуги – одним человеком не ограничится. Это будет не пуля, а огнём, который не пощадит никого ради демонстрации собственного могущества. Эти звери хуже шпаны, и повадки такие же, хочешь, чтобы боялись, – бей со всей силы, в кровь, в страх, в бессилие, так, чтобы даже мысли ни у кого не возникло, что могло быть иначе. Тогда достанется и Генри. Значит, надо обязательно разобраться в этой ситуации, и возможность представится на благотворительном ужине в мэрии, куда его позвал Дон.

Генри провёл ладонью по лицу, словно умываясь, как делал всегда, заканчивая ритуал. Это ему помогало переключиться, сбросить груз тяжёлых мыслей и перейти к отдыху – необходимому ресурсу для жизни. Поднялся с кресла и пошёл в ванную.

После процедур он всегда ложился с правой стороны кровати, гладил корешок детской книги и почти мгновенно засыпал. Но не в этот раз.

Из головы не шёл этот мальчишка. Что ему могло понадобиться на складе Генри? В районах низкого неба много преступности, но не между своими. Бедняки у бедняков не воруют, во-первых, потому что нечего, а во-вторых, потому что все друг у друга на виду. Находясь под общей бедой, людям свойственно объединяться, несмотря на непохожесть взглядов, голод, страх, агрессивность вида. Тут можно к каждому зайти и попросить стакан воды, а может, даже и кусок хлеба – не откажут. Здесь знает каждый не понаслышке, что такое – остаться без крова и пищи. Чуткость, которую может проявить головорез из бедных районов, не сравнится по своей щедрости с безликой добротой элитных благотворителей, но она будет весомей, когда дело касается жизни конкретного человека, который здесь и сейчас нуждается в чём-то. Оттого Генри и казалось странным, что тринадцатилетний мальчишка, родителей которого он хорошо знал (не раз одалживал им), мог покуситься на складское имущество. Это была непонятная ситуация, которые Генри не любил, и поэтому поставил себе мысленно галочку – разобраться. Остановив шестерёнки, он наконец заснул.

Глава 2

– С чего ты взял, что он вообще полетит?

– Куда он денется. Это же конструктор для детского сада. Он и энергии-то почти не тратит. Подержи.

Марк передал Денису дрон, чтобы проверить лопасти.

– Я к нему «вечник» подключил, – сказал Марк, поочерёдно раскручивая пальцем четыре винта, – так что он несколько месяцев летать сможет, пока смазка не высохнет. Потом мы его спустим, заправим и обратно отправим.

– «Вечник»! – ахнул Денис, – где ты его взял? Он же стоит, наверное, целое состояние.

– Там же, где и всё остальное, – хмыкнул Марк, – на складе Генри.

– Он тебя когда-нибудь поймаёт и пришьёт.

– Этот глухой старик? Вряд ли. Он, наверное, даже не заметил пропажи.

Но Генри заметил. Более того, по описи вещей, которую он скрупулёзно вёл, он точно знал, что не хватает ещё магнитной катушки и двух метров медной проволоки. И теперь он понимал, куда всё это делось. Шпионить он научился давно, ещё когда только устроился на службу обеспечения воздуха. Пчёлы-дроны, которых он раздобыл на чёрном рынке и переоборудовал для большей стабильности, уже не раз помогали ему в работе, выявляя недоброжелателей, что позволяло ему проложить короткую дорогу по карьерной лестнице вверх. Генри имел двенадцать штатных шпионов-пчёл и три запасных, которых он и решил использовать на сорванцах. Теперь становилось ясно, зачем Марк крутился возле его склада.

Мальчишки всё время искали возможность подключиться к сети. Это был ресурс, который позволял ребятам из бедных семей зарабатывать себе на жизнь, кому – с помощью мошенничества с чипами, кому вполне легально – шифтерством.

Люди из богатых районов часто обращались к шифтерам (так они называли программистов, оказывающих им услуги) для настройки систем. Всё, начиная от пылесосов и заканчивая холодильниками, работало по алгоритмам, которые задавали оборудованию производители техники. И хорошо, если техника была из одной «экосистемы», тогда проблем с настройками у людей не наблюдалось. Но чаще люди покупали технику разных фирм, чтобы сэкономить или получить больше преимуществ от опций. Производителям это не нравилось, и они всячески усложняли сопряжение своих устройств с устройствами других фирм. И, казалось бы, ничего страшного, но когда ты управляешь всеми системами через чип, вшитый тебе в организм и связанный с твоей нейронной сетью, это становится настоящей проблемой для потребителя. Шифтеры решали эти проблемы. Взламывая заводские настройки, они перепрограммировали все сервисы так, что те становились единой системой. А так как технику люди из богатых районов покупали часто, то и шифтеры требовались регулярно. И это не был уже очень крупный рынок услуг. Шифтеры хоть и действовали полужако, но не боялись даже давать объявления, зная, что правительство Мегалополиса само пользуется их услугами и на нарушения закрывает глаза. Однако же хороших специалистов было немного, и они очень дорого стоили.

Единственное, что смогли сделать корпорации, выпускающие товары, чтобы противостоять шифтерам, так это с помощью своих лоббистов протолкнуть закон, ограничивающий доступ к сети людям из бедных районов. Но и тут дерзкие специалисты нашли выход. Купол, который закрывал Мегалополис от внешней среды, постоянно обслуживался роботами, которые производили ежедневный мониторинг перекрытий, а по необходимости – ремонт. Для их работы сеть была необходима, ведь все команды из информационного центра работы получали через неё. Как раз этой особенностью и пользовались шифтеры – они подключались к сети роботов и ретранслировали её на свои компьютеры. Сложность заключалась только в том, что сеть имела ограниченный радиус действия, и для подключения к ней надо было приблизить

ретранслятор к куполу, что для районов низкого неба не являлось большой проблемой, если шифтер имел дрон. Но дроны, тем более с большой ёмкостью аккумулятора, стоили баснословные деньги – об этом тоже позаботились корпорации. И тогда шифтеры из бедных районов нашли альтернативный вариант. Как раз таким и воспользовался Марк, собрав из детского конструктора простенький квадрокоптер, прицепив к нему аккумулятор с гелевым электролитом. Характеристики такого аккумулятора позволяли заряжать его почти бесконечное количество раз, а с учётом того, что источником энергии являлся солнечный свет, самопальный дрон мог висеть в воздухе практически вечно.

И не то чтобы Генри жалко было своих вещей или он был против такого подхода к законам Мегалополиса, но воровство, тем более между бедняками, его искренне бесило. Он отозвал пчёл-шпионов, в них больше не было нужды, и решил для себя, что обязательно примет меры в отношении Марка. Они называют его злобным Генри, значит, он таким и будет. На следующий день, вернувшись с работы, Генри приступил к своей мести. Он знал, что отомстить мальчишкам можно только одним способом – лишить их надежды. А чтобы им неоткуда было достать новые материалы, он перенёс всё ценное оборудование к себе на работу – пусть хоть какую-то пользу принесёт его нетронутый кабинет. Конечно, Генри мог, не мудрствуя лукаво, заявить в полицию на воришек. Но, во-первых, он не любил полицию, которая лишь обслуживала элиты, охраняя награбленное ими добро, а во-вторых, они ему нравились – эти сорванцы, которые напоминали его собственное детство. Пусть их и надо было наказать, но так, как отец мог бы наказывать сына, а не как палач, который просто любит запах крови. К тому же Генри искренне радовался, когда кто-то находил такие вот лазейки в тщеславно прилизанной системе Мегалополиса.

И всё же наказывать мальчишек надо было, и в этом ему тоже помогли помощницы – пчёлы. Даже удивительно, как одна тоненькая леска, брошенная на лопасти подъёмных винтов, может обрушить всю конструкцию. Квадрокоптер рухнул, как подкошенный, сильно ударившись о бетонные перекрытия крыши ближайшего дома. Вопль кого-то из мальчишек, раздавшийся из чьей-то квартиры, свидетельствовал, что наказание удалось.

Генри мог, конечно, ещё послушать, как сорванцы сокрушались, отыскав на крыше дома разбитый дрон, но он не стал этого делать. Он считал, что в злорадстве нет удовольствия, только слабость. А ещё слабостью он считал – подхалимство, и всячески избегал его. Даже когда ему надо было очень понравиться боссу ради роста в карьере, Генри старался не словами, а делом привлечь внимание. Он всегда выбирал одну и ту же тактику – стань необходимым, и люди сами к тебе придут, а получив тебя – не отпустят. Но иногда навык лизоблюдства надо было осваивать, например, на таких вечерах, куда пригласил его Дон.

Вот где действительно была ярмарка тщеславия. Люди из районов высокого неба жили другой жизнью. Большая часть из них с пелёнок имела деньги и власть. Места и должности им доставались по наследству, а роскошь и свобода во всём им казалась такой же естественной, как вечерний закат и утренний восход. Генри не любил общаться с ними даже на самые простые темы: погода, спорт, аксессуары. У элиты всё было слишком, и всё напоказ. Один хватался туалетной бумагой с вкраплением золотых нитей, другой – дверными ручками, инкрустированными бриллиантами. Это очень бесило Генри, и он долгое время не мог понять – зачем? И только когда начал общаться с теми, кто действительно что-то решает, понял. Люди, которые распределяют ресурсы, просто не могут рассуждать как обычные смертные. Они получают бюджет и решают – кому что достанется. Если выделить денег беднякам, то не достанется работягам, если выделить работягам – не достанется больным на обеспечении. И ведь вся статистика есть у этих великих решателей, и они уж, конечно, точно понимают, что это распределение – не просто деньги. Недодал беднякам – умерло от болезней и голода на пять процентов больше бедняков, недодал работягам – умерло больше работяг, больным – больных. Каждый день решатели решают, кому достанется больше благ, а кто окажется на грани. Делать ежеднев-

ный выбор, кто сегодня умрёт, могут только люди с психологией убийц. Не стоит удивляться их желанию убежать от реальности в шмотки, разврат и дурман. А остальные, те что по праву рождения в клубе, и, по сути, ничего не решают, – просто копируют поведение своего социального круга. Вторых Генри искренне презирал, так презирал, что даже радовался своему пути.

– Это Генри Вотч, – представил Дон своего подчинённого очередному толстосуму. – Мой лучший и самый перспективный работник.

– Очень приятно, – в который раз вымученно улыбнулся Генри, пожимая потную ладонь.

Это шоу с представительством началось почти сразу, как только они с Доном появились на банкете. Дон подходил к разным людям и представлял Генри. Люди вежливо кивали, перекидывались парой незначительных фраз с Доном и, внимательно посмотрев на Генри, возвращались к своим делам. Все понимали, что это сватовство неспроста, и процедура, похоже, была обыденной – так знакомили с человеком, которого скоро придётся видеть на подобных банкетах часто. В очередной раз они вежливо откланивались, чтобы перейти к следующему «важному» человеку, а Дон нашёптывал Генри регалии и статусные возможности нового знакомца.

– Этот занимается связями с комитетом финансов, – говорил он тихо, – часто именно он решает, на что пойдёт бюджет. Ведь от подачи информации комитету зависит многое. А вот тот, к которому сейчас идём, – начальник комитета безопасности.

Генри внутренне напрягся, что не осталось незамеченным Доном.

– Понимаю, – сказал он, – жутковатый тип. Но что делать, таких лучше иметь в друзьях.

– С кем ты нас сегодня знакомишь? – спросил начальник комитета безопасности, пожимая руку Дону.

– Это мой лучший кадр, – лъстиво улыбаясь, ответил Дон, как будто бы даже становясь немного ниже.

– Стив, – просто представился начальник комитета безопасности и протянул руку.

– Генри, – так же просто представился Генри, пожимая её.

– Мистер МакНил, – спохватился Дон, – это мистер Вотч.

– Мы уже обозначили, как будем друг друга называть, – сказал Стив и хищно улыбнулся.

Очень не понравилась Генри эта улыбка, да и колючий взгляд начальника комитета безопасности выдавал умного и опасного человека.

Генри заставил себя улыбнуться самой простецкой и располагающей улыбкой. Он знал, как понравиться людям, обладающим такой опасной властью. Надо выдать себя за простофилю, лёгкий орешек, с которым всё ясно сразу. Чем меньше в голове у Стива будет сидеть задачка под названием Генри, тем легче будет Генри выпасть из области внимания начальника комитета безопасности.

Так и произошло, Стив очень натурально зевнул, заканчивая изучать представленного ему человека.

– Кстати, Дон, – обратился Стив к начальнику Генри, – я как раз хотел с тобой поговорить. Одна беженка хочет работать у вас. Имеет очень высокую квалификацию, судя по документам.

– У нас? – удивился Дон, – она так и сказала?

– В том-то и дело, – поморщился Стив. – Она инженер с высшим допуском, могла бы на производстве поработать. Сидела бы в чистеньком офисе, получала бы хорошо, да и жила бы в центре. Но она отказалась, сказала, что всю жизнь занималась системами кондиционирования. Хотя какая там жизнь, ей от силы лет тридцать.

– И ты хочешь, чтобы я её устроил?

– Нет, – Стив отрицательно покачал головой, – мы её уже устроили на одну из станций.

Генри изо всех сил постарался не выдать свой гнев.

– Мне надо, – продолжил Стив, – чтобы ты за ней приглядывал. Не люблю, когда я чего-то не понимаю. Проще было бы, конечно, её выгнать взащей – тоже мне королева, выбирать вздумала, но ты знаешь, миграционная политика. Нам нужны профи во всех сферах.

– Ясно, – кивнул Дон, хотя, похоже, его согласия и не требовалось.

– Ну и прекрасно, – сказал Стив, давая понять, что разговор закончен.

Он кивнул на прощание Генри и с бокалом в руке отправился к другим гостям.

– Не было печали, – тихо проворчал Дон. – Теперь придётся докладывать ему о каждом чихе. Господи, когда я уже отправлюсь на отдых?

– А нельзя ему отказать? – спросил Генри.

– Ему откажешь, – Дон нервно дёрнул плечами. – Надо будет быстренько от этой девки избавиться. Ты последи за ней пару недель, а потом вышиби к чертям за профнепригодность.

– А если она действительно хорошо работать будет?

– Послушай, Генри, – Дон покровительственно положил руку на плечо подчинённого, – ты скоро будешь на моём месте и тебе рано или поздно придётся принимать сложные, порой не самые приятные и справедливые решения. Но это политика, здесь не бывает чистоплюев. Думай об этом иначе. Сегодня ты окажешь услугу Стиву, завтра – он тебе. В конце концов, это выгодно всем.

Генри согласно кивнул, чтобы успокоить Дона, но он был в корне не согласен с такой постановкой вопроса. За свой долгий карьерный путь он чётко усвоил – не дай бог начальник окажется тебе чем-то должен или обязан. В лучшем случае это обернётся натянутыми отношениями, но, как правило, боссы не горят желанием каждый день видеть перед собой человека младшего ранга, который оказался в чём-то настолько необходимым, что пришлось спуститься с Олимпа и о чём-то просить. Это унижение для начальника, и его не прощают.

Однако по-настоящему Генри беспокоило не это. Он так долго работал, чтобы наладить систему, и совсем не хотел пускать в неё посторонних. Если эта беженка окажется лучше него, то сможет подсидеть на работе, а если вдруг будет непроходимой тупицей – то наломает дров, и, опять же, его подставит.

Дон ускакал к очередному важному человеку, оставив Генри одного. Это был чуждый мир, ни с кем разговаривать здесь не хотелось. Да и о чём? Хвалиться новыми игрушками – у Генри их не было, рассказывать про экстремальные вылазки за пределы Мегополиса или поездки на искусственные пляжи, где на океан можно только смотреть, – но и тут ему было нечем поделиться. Отпуск Генри никогда не брал, только больничные, да и те крайне редко. Хотелось вернуться домой, выспаться, заняться простыми домашними делами, но Дон бы не понял, да и Генри чувствовал, что для продолжения карьеры ему необходимо здесь быть. Он пошёл к бару, где мог пропустить стакан содовой, но главное – найти место среди элитной публики. Бар – идеальный вариант для дальних родственников и случайно забредших гостей. Для Генри это тоже было лучшее место.

За стойкой почти никого не было, не считая уже изрядно подвыпившего старичка в твидовом пиджаке с заплатками, который, кажется, уже набрался и пребывал в том состоянии, словно и не присутствует на месте.

Генри заказал содовую, взял стакан, сделал глоток и повернулся к залу. Так, наверное, можно было простоять до конца мероприятия, наблюдая за богатой публикой, делая свои выводы, но внезапно очнувшийся от своих мыслей старик эти планы Генри нарушил.

– Отвратительно, – сказал старик, – не правда ли?

– Что, простите? – не понял Генри.

– Все эти люди, – старик неловко повернулся на вращающемся стуле и обвёл зал рукой. – Отвратительно, – повторил он.

Генри вежливо кивнул и повернулся к бармену – не хватало ещё выслушивать бредни очередного сумасшедшего богача. Но старик не унимался, почему-то увидев в Генри достойного слушателя.

– Они даже такую вещь, как благотворительность, превратили в фарс, где просто меряются количеством денег. Чёртова песочница. Те же дети, только вместо игрушек – люди.

Старик навалился на стойку, чуть ближе придвинувшись к Генри.

– Но вот, что я скажу, – продолжил он шёпотом, обдавая Генри волной перегара, – деньги можно и без банкетов переводить, не афишируя. Если ты действительно хочешь кому-то помочь – не стоит устраивать по этому поводу фестиваль.

Старик неловко повернулся к залу.

– Может, они просто этого не понимают? Они же как дети, которых просто не научили, как надо. Им надо сказать. Как думаете?

Старик вопросительно посмотрел на Генри. Тот безразлично пожал плечами. Какое ему было дело.

– Я скажу, – упрямо заявил старик и чуть не упал, пытаясь слезть с высокого барного стула. Генри пришлось ловить тщедушного старичка, чтобы тот не рухнул прямо у его ног.

– Мне кажется, мистер, – сказал Генри, – Вам не стоит делать сейчас каких-либо заявлений.

– Ты думаешь, я пьян, – вырывая руку из поддерживающих объятий Генри, закричал старик, так что несколько гостей обернулись.

– Во-первых, да, – раздражённо ответил Генри, – а во-вторых, вряд ли Вам или кому-то ещё принесёт пользу Ваше сообщение. Скорей всего, Вас просто выставит охрана.

– Вы правы, – пару секунд подумав, ответил старик. – Всё бессмысленно.

Он тут же как-то сник и устало привалился к стойке.

– Приехал, – тихо сказал старик, словно ни к кому конкретно не обращаясь, – думал, что здесь есть возможность для науки. В едва выживающем мире только наука и могла бы помочь. Но это никому не надо. Инженеры клепают новые гаджеты, а люди продолжают умирать от радиации. Думаете, этот купол нас от чего-то защищает? – Теперь старик обратился непосредственно к Генри. – Чёрта с два. Весь мир заражён, а мы его часть. Она постепенно проникает всюду, через воду, одежды беженцев, крыс. И такая особенность, что сразу вроде и незаметна, но именно при постоянном соприкосновении с ней можно умереть в муках. Вы думаете, это кого-то волнует? Я каждый день рассказываю студентам про это, но лучшее, что они вынесли, это праздник будущего постапокалиптического мира. Им это кажется весёлым. Миллиарды людей гниют заживо, а им весело. Что-то я говорю лишнее. Уважаемый, – обратился он к бармену, – вызовите мне такси.

– Штатный квадрокар Вас доставит бесплатно, – дежурно ответил бармен.

– Удобно, – усмехнулся старик. – Люди под ногами надрывают спины за крохи, зато здесь подвыпившие олигархи бесплатно летают домой. Вы меня не проводите? – обратился он к Генри. – Кажется, я слегка переоценил свои возможности и, боюсь, сам не дойду.

Генри чертыхнулся про себя – ещё не хватало таскать пьяниц по банкетному залу. Но, поразмыслив, он понял, что это хорошая возможность выбраться самому. Да и старик не вызвал антипатии.

– Конечно, – ответил Генри, – обопритесь на мою руку.

Проходя по залу, Генри видел взгляды, брезгливые, сочувствующие ему, безразличные, направленные в их сторону. Откуда-то кольнул холодком взгляд Стива, откуда-то недоумённый – Дона. Но в целом миссия удалась – он оказался вне этого террариума денежных змей.

– Вы не против, если я полечу с Вами, – спросил Генри старика, – забросим Вас, а потом отправлюсь сразу домой.

– Тоже не хотите оставаться, – улыбнулся старик.

– Просто рано вставать на работу, – соврал Генри.

– А Вы не такой, как они, мистер...

– Вотч.

– Мистер Вотч. Вы отличаетесь. Похоже, Вы вроде меня – попали в клетку бесчестных людей. Мне кажется, мы могли бы хорошо с Вами посидеть где-нибудь за кружкой хорошего пива.

– Я не пью, – захлопывая кабину, ответил Генри.

Квадрокар взмыл в воздух и бесшумно полетел прочь от яркой жизни. Всю дорогу старик мрачно молчал, что Генри вполне устраивало. Однако же перед выходом из кабины, когда транспорт приземлился, старик протянул Генри визитку.

– Если захотите пообщаться на пространные темы – звоните. С удовольствием встречусь с нормальным человеком из этого мира.

Генри молча забрал картонный прямоугольник и кивнул. Скорей всего, он визитку выкинет по дороге, но зачем обижать старика. Когда квадрокар снова взлетел, Генри всё-таки посмотрел на неё. На визитке значилось: «Профессор естественных наук Ковалевский А. А.».

Что же, может быть, старик не так уж и не прав насчёт Генри – они ведь действительно кое в чём похожи.

Глава 3

Целый день Генри был занят на станции Роджера, который что-то начудил с сальниками, и те вместо выпуска отработанных газов стали работать на впуск. И чёрт бы с ней, со станцией, её можно заморозить, лишив Роджера премии, благо дублирующая находится совсем рядом. Главное, поломки не были предусмотрены программой дистанционного управления, которую придумал Генри, и поэтому, несмотря на должность, ему пришлось самому заниматься её наладкой. Он так старался показать полезность программы, так хотел, чтобы её приняли за основу, и вот такие мелкие неприятности могли всё разрушить. Власти консервативны по своей природе, и ждут только случая найти какую-нибудь проблему в новой технологии, чтобы после отвергнуть. Но Генри всю жизнь работал над этим проектом и не мог допустить одной случайной оплошности, которая могла бы разрушить всё. Он даже не стал отчитывать Роджера, который обязан проверять новые сальники, прежде чем устанавливать их в систему. Тот оказался так напуган личным участием шефа, что просто в этом не нуждался. Генри был уверен, что Роджер неплохой работник, и теперь будет с параноидальным вниманием проверять оборудование. В каком-то смысле участие начальника в ремонте рядовой станции пришлось очень даже кстати. Быстро на базе нашлась замена бракованным деталям, а загаженные внешним воздухом фильтры были без вопросов утилизированы и заменены на свежие. И все же вся эта работа отняла много времени. Так много, что когда его пригласил к себе Дон и спросил про новенькую, Генри понял, что даже не удосужился с ней познакомиться. К счастью, женщина ещё не покинула рабочее место, и Генри попросил Тину немедленно разыскать её и пригласить в его кабинет.

Без четверти шесть в кабинете Генри появилась белокурая девушка, высокая, с тонкой талией и светлой кожей. Её лицо можно было бы назвать красивым, если б не хмурый взгляд человека, который много всего видел, а может, и пережил. В своём захламленном кабинете Генри с трудом откопал в груде вещей стул, чтобы её посадить. Сам он устроился на свободном от архивов клочке дивана с личным делом нового сотрудника в руках.

– Ольга Щёдрина, – проговорил Генри, указывая на стул.

– Щедрина́, – поправила девушка, присаживаясь. – Это русская фамилия, ударение на последнем слоге. Можете ко мне обращаться просто по имени.

– Что же, Ольга, – хмурясь, проговорил Генри, – Вы ко мне тоже можете обращаться просто – мистер Вотч.

Он решил сразу продемонстрировать дистанцию новому сотруднику. И хоть это и обычная практика для него, в данном случае Генри чувствовал себя свиньёй. Он знал, что перед ним стоит будущая жертва скорого увольнения, к которой он заранее пытается испытывать неприязнь, чтобы не чувствовать свою вину. Не то чтобы Генри был уж очень щепетилён в вопросах человечности, но несправедливость не любил, тем более преднамеренную, жестокую, неотвратимую.

– Вы ранее работали инженером? – спросил Генри, хотя знал, что работала, – это было в деле.

– Да, работала, – коротко ответила Ольга. Она видела, что не по душе начальнику, поэтому старалась быть лаконичной, чтобы не вызывать лишнего раздражения.

– Не замужем, детей нет, – читал Генри дело, – тридцать пять лет. Не планируете завести семью?

– В наше время, – спокойно ответила Ольга, – семья – это роскошь. У меня есть друг, но он мне не мешает строить жизнь. А рожать детей, когда вокруг такое творится, я считаю, в высшей степени эгоистично.

– Ясно, – раздражённо выдохнул Генри. Карьеристов он не любил, так же, как и рассуждения на тему своевременности семьи. Ему всегда казалось, что семью нельзя уложить в жизненный план. Дети, любимый человек – это дар, который ты получаешь вне зависимости от политической обстановки и социального положения. Конечно, от него можно отказаться, но тогда ты просто останешься наедине с этим ужасом.

– Давайте начистоту, – улыбнулась Ольга, и Генри отметил, что улыбка ей идёт, – я вам не нравлюсь. Я не знаю почему, но это и не важно.

Генри удивлённо поднял бровь.

– Насколько я смогла понять из разговоров с будущими коллегами, – продолжила Ольга, – Вы человек работы. Вам важно, чтобы система работала как часы. Пренебрегая условностями, Вы лично участвуете в процессе, а судя по Вашему кабинету, не торопитесь почивать на лаврах. Мне это нравится. Я тоже человек дела. Более того, я опытный инженер и исполнительный работник, в чём Вы скоро сможете убедиться. Даже при Вашей самоотверженности охватить весь фронт одному человеку невозможно. Генералу нужны полковники, а полковникам – капитаны. Я могу стать Вашим капитаном и полковником, а Вы сможете заняться стратегическими и, может, более важными вещами, соответствующими Вашему рангу.

«Чёрт, – подумал Генри, – а ведь она мне начинает нравиться». Вслух же он сказал следующее:

– Моё положение – не Ваша забота. Я долго работаю в этой системе и привык следить за всем и за всеми. Именно поэтому так долго держусь на плаву не в самой спокойной гавани. Вы же понимаете, что это стратегически важный объект?

– Если Вы о моей благонадёжности, – поняла по-своему Ольга, – то меня проверяли больше месяца.

– Не существует проверок на безалаберность и безответственность, – отрезал Генри. – Вы можете быть сколь угодно политически правильных взглядов, это не отменяет того факта, что Вы не сумеете всё испортить по халатности или самонадеянности. Впрочем, и Вашу компетентность надо ещё проверить на месте. Чем я и займусь в ближайшее время. И поверьте, если обнаружу хотя бы намёк на Вашу несостоятельность как инженера – уволю в ту же секунду.

– Я могу работать и на более низкой должности, – испуганно проговорила Ольга.

– На более низких должностях вакансий нет, – твёрдо заявил Генри. – Они все давно уже заняты честными, годами проверенными, надёжными работягами, ни одним из которых я не намерен жертвовать ради Вашего трудоустройства.

– Послушайте, – Ольга решила перейти в наступление, – насколько я понимаю, меня уже взяли на работу. И эти люди повыше Вас рангом и возможностями. Не думаю, что от Вас так много зависит в этом вопросе. Не лучше ли нам быстрее найти общий язык, раз уж всё равно ничего нельзя сделать.

– Ошибаетесь, – Генри впервые позволил себе улыбку – он был рад этой грубости, так ему становилось проще думать о будущем решении, – нанять Вас могут и старшие товарищи, а вот уволить могу только я. Даже мой шеф и тот на кадровую политику влияет опосредованно, а вот я наделён не только ответственностью, но возможностями управлять людьми так, как посчитаю нужным. Там, – Генри ткнул пальцем в потолок, – людям тяжело запомнить все имена рабочих, но тех, от кого зависит их шкура, они знают в лицо. И вот меня они знают, как слесаря, после которого трубы не текут, или врача, который умеет справиться с болезнью. Какая бы политическая конъюнктура не главенствовала, какие-то вещи должны оставаться неизменными, тем более, если от них зависит твоя жизнь.

После знакомства с Ольгой Генри понял, что зря боялся. Он легко её уволит, силы на это есть. Добираясь до своего дома, он даже усмехнулся тем мыслям, что предшествовали этому разговору. Подумать только, он ещё в себе сомневался. Ну и что, что она пришлая, все они были не коренными, именно поэтому конкуренция в этой среде – справедлива. Будь на его

месте какой-нибудь богатенький отпрыск, это выглядело бы иначе, но Генри сам прошёл этот путь и никому поблажек не даст.

Подходя к своей двери, Генри уже предвкушал отдых от трудного и нервного дня. Всё-таки дом, даже если он и нелюбимый, остаётся домом. Человек, как улитка, которая не может без своей раковины и поэтому повсюду таскает с собой желание иметь дом. Однако текущий вечер преподнёс Генри ещё один сюрприз. На ступеньках подъезда, перед его квартирой сидел Марк.

– Чего тебе здесь надо? – раздражённо спросил Генри, обходя мальчика стороной.

– Мистер Генри, – Марк вскочил, преграждая старику дорогу, – мне очень нужно с Вами поговорить.

– У меня нет времени на мальчишеские бредни, – проворчал Генри, – дай мне пройти.

– Я всего на минуточку, – взмолился Марк, сторонясь, чтобы пропустить Генри.

– Чего тебе? Ты хоть знаешь, что значит целый день вкалывать на работе? У меня есть всего несколько часов, чтобы отдохнуть, поспать и завтра снова заниматься чужими проблемами.

– Я знаю, – мрачно ответил Марк, – я просто хотел Вам кое-что предложить.

Генри мрачно посмотрел на мальчишку. А ведь он действительно знает, что значит работа. Дети из районов низкого неба начинают работать, едва им исполнится десять. В основном, конечно, это мелкая бытовая работа: принести-унести, подключить-отключить, забраться на крышу, чтобы прочистить вентиляцию, спуститься в подвал, чтобы перекрыть трубы. Но бывала работа и довольно суровая, вроде разгрузки-погрузки, или на плавильне. Никто не следил за их безопасностью, поэтому детишки часто травмировались. Те, что поумнее, вовремя смекали что к чему и старались найти работу мозгами, некоторые становились шифтерами, а другие – мальчишками на посылках в крупных корпорациях. Впрочем, это должно ещё было повезти.

– Ладно, – сжалился Генри. – Чего ты там хотел?

– Дело в том, мистер Генри, – скороговоркой стал говорить Марк, – что нам необходимы две лопасти для винта квадрокоптера. Мы проводим эксперимент, и нам нужно...

– Знаю я, что вам нужно, – прервал его Генри, усмехнувшись. – Хотите подключиться к сети, а ваш самолёт накрылся. Только с чего ты взял, что у меня есть эти лопасти?

– Мне кажется, – Марк опустил голову, понимая, что старик точно знает, откуда ему известно о наличии лопастей, – что они у Вас должны быть.

– Потому что ты их видел на складе, – прорычал Генри.

Марк ничего не ответил.

– И ты, – продолжил Генри, – мелкий воришка, имеешь наглость у меня что-то просить!

– Мы же заплатим...

– Пошёл вон, щенок! – закричал Генри. – Чтобы духу твоего здесь не было. А не то я приду к тебе домой и расскажу твоему отцу – честному работяге, чем его сын занимается.

– Пожалуйста, мистер Генри, не надо...

– Пошёл отсюда!

Марк пулей вылетел из подъезда.

Генри зашёл домой и включил свет. Конечно, он не собирался никуда идти и ничего рассказывать, чтобы проучить мальчишку, у Генри были дела поважнее.

Он быстро подошёл к столу, установил планшет на подставку и запустил программу. Уже давно Генри приучил себя держать пчёл-шпионов заряженными, чтобы в любой момент ими можно было воспользоваться. И сегодня он очень торопился, когда Ольга ушла из его кабинета, он переписал из личного дела её адрес и нашёл дом на карте.

Поселили перспективного инженера неплохо, это был ещё не центр, но уже и не бедный квартал. Такие дома обычно занимали высшие служащие и люди из среднего класса. Про-

браться пчёлке в такой дом несложно, однако, существовала другая проблема и связана она именно с расположением объекта. Генри не держал пчёлку дома. Использование скрытной техники было незаконно на всей территории Мегалополиса, и найдись подобная аппаратура в его доме, Генри ждало бы увольнение, а возможно, даже тюрьма. Поэтому своих пчёл он держал удалённо, в укрытиях, из которых шпионы могли спокойно вылетать и возвращаться в безопасность. На этих точках были установлены зарядки, так что физически контактировать с запрещённой техникой вовсе не приходилось. Однако был в этой схеме один просчёт – заряд пчёл был ограничен, а транспортировка до объекта тратила много необходимой энергии. Именно поэтому основные точки вылета располагались в центре, где находились все важные объекты для слежки, но некоторые в районах низкого неба – там, где жил Генри. А вот точек в том районе, где поселили Ольгу, не было. Он никогда не думал, что будет следить за кем-то его уровня. Впрочем, можно было попробовать использовать ближайших к дому Ольги пчёл, чтобы пусть и ненадолго заглянуть в её жизнь за занавесками.

Одна подходящая пчёлка нашлась в центре. Конечно, её перелёт туда и обратно потратит большую часть энергии, но минут на сорок слежки её должно хватить. Генри запустил программу, и на экране его планшета появилось изображение с камеры-шпиона. Генри положил руку на клавиатуру и дистанционно привёл в движение микроскопические двигатели. Это было похоже на игру – где надо, управлять нарисованным самолётом, с той лишь разницей, что дополнительных попыток у шпиона нет. Кроме того, во время движения самолётик всё время должен оставаться незамеченным, что делало процесс управления интереснее, но гораздо напряжённее. В квартиру Ольги пчёлка-шпион проникла через вентиляцию – самый простой и знакомый Генри путь. И скоро на экране планшета появилось изображение комнаты.

Это было обычное казённое жильё, с простой, но функциональной мебелью. Одна большая комната с окном во всю стену, плотно заставленная стилистическими трансформерами, всё здесь куда-то убиралось и откуда-то доставалось. Кровать поднималась из пола, стол выезжал из стены. Но у Ольги вся мебель была в рабочем положении. Сидя на анатомически правильном стуле за удобно регулируемым по высоте столом, она изучала на проекционном экране схемы вентиляции. Генри их сразу узнал, это были схемы южного крыла, следить за которым прикрепили Ольгу. Пчёлка-шпион, повинувшись его воле, подлетела поближе к экрану.

– Интересно, – вслух произнёс Генри.

Его удивило не то, что Ольга изучала схемы, а то, как она это делала. Увеличивая изображение разных участков, она пристально рассматривала детали, что-то пометая на своём планшете. Собственно, Генри смутило не это, а сами изучаемые объекты. Он знал, что простого работника вряд ли могут заинтересовать эти места на схеме.

Вдруг Ольга замерла, словно что-то услышала или почувствовала. Её спина стала чуть прямее, плечи развернулись.

– Чёрт! – выругался Генри.

Похоже, девушка услышала пчёлку, хоть двигатели той были практически бесшумны. Возможно, Генри, увлечшись, позволил шпиону подлететь слишком близко.

Однако Ольга не стала крутить головой, выискивая наблюдателя, она снова расслабила плечи, потёрла ладонью шею чуть ниже затылка, так, словно та затекла, откинула голову, сделав ей круговое движение, и затем развела руки в стороны, потягиваясь.

Генри, замерев у экрана планшета, продолжал смотреть за её движениями.

Ольга тряхнула головой, будто отгоняя тяжёлые мысли, и встала со стула. Проекционный экран свернулся, стол уехал в стенной паз, стул сложился до уровня пола. Она произнесла короткое: «душ», и из потолка выехал прозрачный короб, образуя душевую кабину. Ольга медленно стянула через голову кофту, расстегнула штаны.

Генри отпрянул от экрана. В его планах совсем не было наблюдать за одинокой девушкой. Его интерес лежал в другой плоскости. Он и представить не мог, что станет свидетелем столь

интимных подробностей личной жизни. Очевидно, что дальнейшее наблюдение за девушкой стало бессмысленным. И всё же он продолжал смотреть.

Ольга стянула штаны – инженерный удобный покрой, оставшись в нижнем белье, которое больше бы подошло для свиданий, нежели для работы, а скоро осталась и без него.

Генри не мог отвести взгляда от её точёной фигуры: сильных и тонких рук, плоского живота, небольшой, но изящной груди, упругих ягодиц, длинных и стройных ног. Вода стекала с её светлых волос, делая их темнее, пробегая струями по светлой коже. Ольга ленивыми, уверенными движениями водила руками по красивому телу, нежась под тёплой негой воды. Прозрачный куб заволокло паром, скрыв Ольгу своим белёсым пологом.

– Дьявол! – выругался Генри, посмотрев наконец на показатель заряда.

Запаса энергии оставалось едва ли на обратный путь шпиону. Генри немедленно направил пчёлку вон из квартиры Ольги. Последние сотни метров шпион летел на нулевом заряде, и, казалось, вот-вот потеряет сигнал. К счастью для Генри, энергии пчёлки хватило, чтобы вернуться к точке дислокации. Нервно потея, он откинулся на стуле и выключил планшет.

Что это было? Почему он продолжил слежку, когда очевидно ничего нового он бы уже не узнал? И что это за ощущение в теле? И почему так стучит сердце и пульсирует в висках?

Генри провёл ладонью по лицу, затем встал и подошёл к умывальнику. Холодная вода принесла облегчение и вернула пульс на место. Теперь он мог снова здраво рассуждать. Как и прежде, после трудного дня, он принял душ, лёг на кровать, погладил корешок детской книги и выключил свет. Сегодня ни о чём он думать не будет, оставив анализ своему бессознательному гению. А сейчас он уснёт и не вспомнит о красивой девушке в душе.

У Генри не было женщины сорок лет.

Глава 4

Будильник сошёл с ума и сработал в пять утра. Генри вскочил с кровати и, не просыпаясь, попробовал его выключить. Он давил на кнопку отбоя, но звук продолжал тревожить утреннее пространство. Наконец Генри понял, что это звонит телефон, и единственный, кто мог потревожить его так рано, – это дежурный диспетчер с работы.

– Да, – прохрипел Генри в трубку, – что? Скоро буду.

Вызов был связан с работой опосредованно. Оказывается, у его начальника Дона ночью случился сердечный приступ, который тот благодаря скорой помощи чудесным образом пережил и теперь хотел видеть Генри.

У шикарного дома на три квартиры стоял медицинский погрузчик – такие перевозили «капсулы ухода». Рабочие как раз закончили устанавливать оборудование и загружали инструмент в погрузчик. Генри усмехнулся про себя – такие услуги медицины мог позволить себе не каждый житель Мегалополиса. Даже средний класс предпочитал самостоятельно добираться до медпунктов, чтобы воспользоваться общественными «капсулами экстренной помощи», потому что цены за подобные услуги могли бы вогнать в криз даже здорового человека. Бедняков же вообще не пускали на подобные пункты, те, как правило, не имели страховки. Забавно было ещё и то, что страхование оплачивало отнюдь не врачей, должность которых отошла в далёкое прошлое, а грузчиков, которые перевозили, устанавливали и обслуживали медкапсулы. И если в медпунктах человеку можно было вылечить лишь одну болезнь за раз, то в мобильных капсулах пациенты получали круглосуточный уход, который им обеспечивал искусственный интеллект, управляющий роботизированными манипуляторами, на основе собранных данных, полученных в установленном здесь же сканере. Богачи не умирают больными и в муках, оттого, возможно, смерть вызывает большую досаду. Впрочем, у тех, кто управляет миром, относительно смерти много разных вариантов.

Генри прошёл в открытую дверь квартиры начальника – его явно ждали. Потом ещё минут пять бродил по музейно-оформленным коридорам и не переставал удивляться – зачем столько места одинокому старику. Дон никогда не приглашал к себе, и теперь Генри был благодарен за это. Было бы труднее сдерживать раздражение при общении с боссом, если бы он знал, в каких нелепых хоромах живёт старик, в мире, где каждый клочок пространства на вес золота.

– Ты пришёл, – умирающим голосом сказал Дон, увидев Генри. Зрелище он представлял собой жалкое: худой бледный старик, с пожелтевшей кожей, покрытый трубками, датчиками и катетерами, тянущимися из утробы капсулы, в которую, как в саркофаг, было заточено тело больного.

– Что с Вами?

– Старый добрый инфаркт, – ответил Дон. Его голос, пропущенный через динамик капсулы, отдавался скрипучим эхом. – Кажется, в наше время этим уже не болеют, – продолжил он, – а я всё тянул с операцией. Почему-то мне хотелось подержать в своей груди ещё немного настоящее человеческое сердце. Глупость, теперь уже что жалеть.

Генри отметил про себя, что действительно не знал о такой особенности босса. Люди после шестидесяти, те кто имел возможность, в обязательном порядке меняли себе сердце на искусственный аналог, который и служил дольше, и работал лучше. Правда, рано или поздно его всё равно приходилось перенастраивать – старые сосуды не выдерживали давления, и всё же такая операция продлевала здоровую жизнь на долгие годы. В их мире умереть от старости было непросто. Почти любой орган можно было распечатать на принтере, и он идеально подходил для конкретного организма, кроме мозга, работу которого поддерживали нанороботы, любовно присаживаемые в течение жизни человека. Часто нанороботов становилось так много,

что проще было полностью оцифровать сознание, чем долго и дорого поддерживать тлеющие огоньки оставшейся органической жизни.

– Но теперь-то Вы сделаете операцию? – спросил Генри.

– Теперь без вариантов, – усмехнулся сквозь трубки Дон. – Только всё равно я уже не смогу вернуться к прежнему ритму. С другой стороны, я уже давно собирался на пенсию. Там, говорят, хорошо, заботливые девушки в коротеньких халатиках будут приносить разбавленный Дайкири с кусочком лайма, пока я буду греть свои косточки в рае миллионеров. Я, собственно, для этого тебя и пригласил. Конечно, мне бы не хотелось вот так, как котёнка, бросать тебя в эту мутную воду, без подготовки, но тут уж не до жиру. Пришло время вступать тебе в должность.

– Может, Вы зря раньше времени списываете себя, – сказал Генри, хотя ему трудно было сдерживать улыбку.

– Брось ты, – криво улыбнулся Дон, – не надо со мной любезничать. Я же вижу – ты рад. Только не думай, что всё будет так легко для тебя. Сперва тебе предстоит пройти проверку в комитете безопасности, всё-таки стратегическая должность.

Генри нахмурился.

– После проверки будет дополнительное собеседование в администрации, и только потом ты получишь полный доступ к власти. Конечно, и проверка, и собеседование – это формальность, я тебя давно уже отрекомендовал этим людям. Но будь осторожен – место хорошее, могут появиться и конкуренты.

Дон на минуту замолчал, вдруг начав тяжело дышать. В подключённых к нему трубках забурлила жидкость, интеллект медкапсулы немедленно отреагировал, тут же направив необходимый раствор в вену. Дыхание нормализовалось.

– Чёртова штукавина, – прохрипел из динамиков Дон, – прикончит меня быстрее, чем вылечит. – Потом, словно вспомнив о Генри, он чуть повернул к нему голову. – Всё же жаль, что я не смогу тебя подготовить. С твоим прошлым этим шакалам будет легко тебя мучить.

– Не важно, – спокойно ответил Генри, – мне нечего бояться.

– Да, верно, – Дон снова тяжело задышал, – ты крепкий орешек. Может, они зубы-то и пообломают. Вот и я...

Медкапсула добавила препарата в организм Дона, и тот спокойно засопел.

Генри ещё секунду постоял возле спящего босса, а потом пошёл к выходу. Всё самое важное уже сказано. Теперь ему предстояла последняя и самая главная битва.

– Из всего вышесказанного следует: богатые будут становиться ещё богаче, а бедные останутся при своих. И нет в мире такого трамплина, чтобы забросил вторых к первым.

– А как же успех? – спросил один из студентов из первого ряда.

– Успех? – удивился профессор Ковалевский, – а при чём тут успех?

– Но ведь успешные люди богатеют и выбираются из бедности, – стал объяснять студент.

– Почти никогда, – ответил профессор, – может, раньше, когда индустрии строились на талантах отдельных личностей, это могло произойти. Да и то – один на миллион, а может, и меньше. А сегодня, когда ИскИн делает практически всё и гораздо лучше человека, у бедного таланта нет никаких шансов. Кем бы вы не были, артист, врач, бизнесмен, режиссер, ИскИн вас переплюнет. Кроме того, я сомневаюсь, что у сегодняшней молодёжи есть мотивация и умение для такого прорыва. Без обид, но у вас уже всё есть в виде эрзацев и аналогов, которые вам тоже предоставляет ИскИн.

– А если мы устроим революцию, – подал голос другой студент уже со стороны задних рядов.

– И что?

– Ну, мы всё поменяем, распределим богатства по справедливости, сами решим, как нам жить.

– Что же, – Ковалевский поправил очки, – тогда, конечно, вы сможете выбраться из бедности. Займёте место богачей, при этом, безусловно, не толпой, а только лидеры. А бедные останутся на своих местах. И более того, понимая шаткость своего положения, вы ужесточите контроль за ними. Впрочем, всё это фантазии. После ядерной зимы вряд ли хоть в одной стране мира у населения остались силы для восстаний. А тотальный контроль в нашем мире не позволит этому случиться вовсе, за что нам тоже следует благодарить всеми любимым ИскИн. Вы же слышали историю про виртуального стрелка?

Аудитория согласно загнула. История про стрелка была громкой и, конечно, её знали все. А всё случилось ещё до Большой войны, которая привела к ядерной зиме. Молодой парень решил отомстить своей школе путём расстрела своих одноклассников, ну и всех, кто попадётся на пути. Украл папино автоматическое оружие, способное выпускать по триста патронов в секунду, и направился в учебное заведение, где в тот момент проводился осенний бал и мишени танцевали кучно. Страшно представить, чем бы закончился его демарш, если бы не ИскИн, который вовремя распознал опасное поведение и, вызвав полицию, предпринял решительные шаги по обезвреживанию преступника. В то время были распространены линзы для доступа к виртуальной реальности, которые молодые люди не снимали ни днём, ни ночью. И вот в таких же был тот стрелок, когда ИскИн ему самостоятельно стал дорисовывать реальность. Парень был в полной уверенности, что убивает учеников школы, хотя на самом деле благодаря усилиям ИскИна бродил по заброшенной стройке и стрелял по стропилам. Тогда-то и началось повальное восхваление ИскИна в обществе, и его всестороннее внедрение во все жизненно важные системы. Даже теперь он оставался незаменимым помощником, костылём человечества, несмотря на то, что совсем недавно развязал Большую войну.

– Мне кажется, – подала голос студентка из среднего ряда, – что Вы ошибаетесь, профессор. Мы живём в самой благополучной стране мира. Здесь открыты все возможности, и у каждого есть мечта. Мечта – что любой, независимо от статуса, материального положения или ранга может подняться над своим положением, если приложит достаточно сил и умений. В конце концов, именно такие люди управляют нами. Они выбрались из низов, самые достойные из нас, и смогли сделать своё состояние.

– О, меритократия, – ухмыльнулся профессор, – власть достойных. Застенчивая падчерица фашизма. Вам не приходило в голову, что разделять людей – это всегда плохая идея? Да, мы не одинаковые, и кто-то может больше в одном, кто-то в другом. Но что касается пороков и власти – мы очень похожи. Конечно, если мальчик высокий, то в баскетболе ему будет легче. Если потенциал мозга у одного человека больше, у него и возможностей больше. Но разве это является поводом, чтобы генетически одарённые люди становились надсмотрщиками человечества? А случай, дающий шанс одним и забирающий его у других, – является справедливым судьёй, распределяющим тёплые места? Не думаю. В конечном счёте эволюционные пороки мы наследуем поровну. И там, где есть слабое звено в системе, со временем образуется дыра. Разве не поэтому началась война, разве не из-за такого пренебрежения к самим себе человечество оказалось на грани вымирания? Хорошо вам рассуждать о достойных, сидя под куполом радиационной защиты? А представьте, каково людям вне этого купола, где средний возраст жизни сорок лет, где нет еды, ресурсов, элементарных условий. Вам бы там порассуждать на тему равных шансов и достойных людей. Там, где действительно ведётся ежедневная борьба за жизнь. Там люди точно знают, что никаких достойных и недостойных нет. Есть те, кто может существовать в коллективе, принимая все его сложности, и те, кто погибает отшельником. Это плохая, трудная, но честная жизнь.

– Почему же Вы оттуда сбежали, профессор?

Голос из первого ряда прозвучал как пощёчина. Ковалевский про себя усмехнулся – разве им понять, что значит жить ради того, чтобы просто жить. Предавать своё дело, тупеть и стареть, без всякой надежды на улучшение условий.

Прозвенел звонок, оставивший вопрос студента без ответа. Да и какой тут мог быть ответ. Да, сбежал, заглянув в будущее и до смерти его испугавшись.

Коричнево-зелёные стены приёмной, кажется, специально были окрашены в этот угнетающий цвет, чтобы посетители комитета безопасности не чувствовали себя комфортно. Ковалевский и не чувствовал. В этом пустом пространстве, где не было ни секретаря, ни столов, ни кресел, нелепо и громоздко стоял пластиковый диван с твёрдой спинкой – одно на всех место для посетителей. Здесь не было окон и паркета, лишь грязно-коричневая тоска от пола до потолка. Единственное «светлое» пятно в этом цветовом ужасе – дверь к начальнику, выкрашенная в не менее мерзкий красно-оранжевый цвет.

Ковалевский сидел в этой комнате ужасов уже около сорока минут. Он не сомневался, что его специально подвергают этой психологической пытке перед разговором с начальником безопасности. Вся ситуация была нехорошей: после одной из его лекций поднялась волна недовольства среди некоторых преподавателей и студентов. Ковалевский радовался, ведь расшевелить аудиторию, тем более заставить обсуждать лекцию – всегда непросто. В цифрозависимом мире люди теряют способность критически мыслить. Он наблюдал это уже давно: из года в год студенты – соль и совесть общества – становились всё покорнее и тупее. Их безынициативность, не способность принимать взвешенные не скоропалительные решения не устраивала профессора. Но в этот раз он перестарался. Его вызвали в ректору и долго отчитывали за отступление от программы и «диссидентство», в конце разговора вручили вызов в комитет безопасности, намекнув, что судьба его должности напрямую зависит от выводов безопасников после беседы. Ковалевский был на хорошем счету у элиты и не особенно боялся этого вызова. Он знал, что система работает на связях и дружбе, и он в этом смысле со всех сторон был «подвязан». Если бы с ним общался любой человек среднего ранга, то он общался бы с Ковалевским «снизу вверх». Именно поэтому профессора так сильно напугало, что из регистратуры его направили прямо к начальнику комитета. Тот тоже являлся частью элиты и поэтому никаких преференций перед ним профессор уже не имел. Это могло означать только одно – за Ковалевского взялись серьёзно.

Неожиданно дверь в приёмной открылась, не та, что вела в кабинет начальника, а другая – через которую сюда попал сам Ковалевский. Профессор поправил очки, чтобы разглядеть вошедшего. В поджаром, прямом, как луч, человеке профессор узнал одного из гостей благотворительного бала.

– Вы? – удивился профессор.

– Я, – смущённо пожимая профессору руку, ответил Генри Вотч.

– Как Вы здесь? Зачем? Из-за меня? – затараторил профессор, радуясь не только знакомому лицу, но и окончанию пытки одиночества в унылой приёмной.

– Почему из-за Вас? – не понял Генри.

– Из-за нашего разговора, – напомнил профессор, – там на благотворительном вечере.

– Что за вздор, – ответил Генри, пытаясь вспомнить тот день, – обычный был разговор. Вы, я помню, немного выпили, но ничего крамольного не говорили.

– Это хорошо, – профессор сразу сник, – я бы не хотел, чтобы из-за моей глупости пострадали другие люди. А почему тогда Вы здесь?

– Проверка перед повышением, – ответил Генри, подумав, что ничего секретного в этой информации нет. Тем более, что скоро об этом напишут во всех инфоресурсах. Новичок в элите – всегда большая новость.

– Должно быть высокая должность, – сказал Ковалевский, – раз проверку проводит самый главный.

– Так и есть, – подтвердил Генри. – А Вы?

– А я стал жертвой недопонимания общественности, – усмехнулся профессор. – В тяжёлые времена все дуют на воду, не успев обжечься на молоке. Память предков, видимо, заставляет. Ничего, у меня были и раньше подобные неприятности, разберутся.

– Профессор, – прозвучал твёрдый голос от двери, так что Ковалевский даже немного вздрогнул, – проходите.

В дверях стоял сам начальник службы безопасности.

– Мистер Вотч, ждите.

Профессор скрылся за дверью начальника безопасности, оставив Генри одного, с мыслями о том, что начальник комитета мог обратиться и по интеркому, приглашая профессора, но зачем-то появился сам. Непонятно только – для чего. Если это позёрство, то какое-то бессмысленное и несолидное для его положения, а если психологический ход, то на кого он рассчитан – на профессора, похоже, и так запуганного донельзя, или на Генри, которого только предстояло обработать? В любом случае, на Генри появление Стива – так его представили в тот вечер знакомства – произвело гнетущее впечатление.

Всего через несколько минут дверь снова открылась и показался профессор. По его лицу сложно было понять, как прошёл разговор с начальником комитета безопасности. Такое выражение несёт человек ещё не успевший обдумать ситуацию. Проходя мимо Генри, профессор кивнул и не прощаясь вышел из приёмной.

– Мистер Вотч, – пригласил Стив войти.

Кабинет начальника безопасности под стать приёмной был аскетичен и неприятен. Здесь присутствовали те же коричневые цвета, но только более тёмного оттенка. Из мебели здесь присутствовали небольшой монолитный стол из дерева, кожаное кресло, на котором сидел сам начальник, и два простых стула со спинками напротив стола – для посетителей.

– Присаживайтесь, – показывая на один из стульев, предложил Стив.

Генри послушно сел. Начальник комитета безопасности обошёл стол и устроился в своём кресле.

– Как Вам наш профессор? – спросил Стив.

– Забавный старик, – осторожно ответил Генри, – я с ним практически не знаком.

– А мне показалось, вы неплохо поладили.

– Сегодня я его видел второй раз в жизни, – твёрдо ответил Генри, показывая, что обсуждать тут нечего.

– Действительно, – кивнул Стив, – я помню, как вы вместе покидали благотворительный вечер.

– Я всего лишь не давал ему упасть, – Генри совсем не нравился этот разговор. – Профессор был в стельку пьян, и я вынужден был его придерживать.

– Я понимаю, – мягко сказал Стив, а потом неожиданно спросил: – Мистер Вотч, вы гей?

– Какое это имеет значение?

– Вы собираетесь занять стратегически важную должность в Мегалополисе, здесь всё важно. К тому же мне хотелось бы понимать, что Вас связывает с профессором Ковалевским.

– С профессором меня связывает только то, что мы с ним покинули тот вечер на одном квадрокаре, который просто нас развёз по домам. Это все мои связи. И нет, я не гей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.